

в «Добрыне» и прозвучавшая столь мощно и трагически в «Ироде и Мариамне» и в «Темном».

Тема пристрастного и немилосердного толкования законов, приводящего к гибели невинной жертвы, разработанная в «Добрыне» и в «Ироде и Мариамне», в «Эсфири» получает счастливое и свободное от применения сверхъестественных сил разрешение: если Прелепу могло спасти от несправедливой казни только чудесное вмешательство доброй волшебницы, а Мариамна уже не могла спастись чудом и погибала, то Эсфирь, формально нарушающая закон царской «неприкосновенности» и принадлежащая к народу, «прописанному на смерть» царским указом, оказывается под защитой любви и милосердия Артаксеркса, за которыми, разумеется, стоит воля премудрого и всеблагого Провидения.

Наконец, традиционная трагедийная тема любви двух представителей враждующих народов или социальных групп, разрабатывавшаяся Державиным, как и его современниками, в национально-патриотическом ключе с неизменно трагическим завершением (Марина Мнишек и кн. Пожарский в «Пожарском», иудейка Мариамна и идумеянин Ирод в «Ироде и Мариамне», Евпраксия и Батый в «Евпраксии», Капиллана и Пизар в «Атабалибо»), в «Эсфири» имеет счастливое и естественное разрешение: выходя замуж за Артаксеркса, Эсфирь в отличие от Мариамны, Евпраксии и Капилланы не губит, а спасает свой народ, и совесть ее остается чиста, поскольку Артаксеркс, уважая ее религиозное чувство, сочетается с ней браком по еврейскому, а не по персидскому, языческому, обряду. Артаксеркс, со своей стороны, в отличие от Пожарского может не опасаться, что Эсфирь будет вредить ему подобно своим соплеменницам, о которых Артаксеркс знает,

Что изуверно лишь закон
Свой чтут, язычников не терпят... и т. д. (с. 382)

Царь обретает в Эсфири любящую супругу, верного друга и мудрого советника. Артаксеркс и Эсфирь клянутся друг другу быть идеальными правителями (с. 406–407).

«Эсфирь» можно считать итоговым драматическим произведением Державина. В ней получила завершение работа поэта над жанром «оперы» с ее яркой зрелищной образностью, общественно-политической назидательностью и преимущественной принадлежностью «живому царству вымыслов и мечтаний поэзии».²⁰ В ней отразились размышления «певца Фелицы и Бога» о собственной придворной карьере, о механизмах государственного управления, о взаимоотношениях между людьми, о роли божественного провидения в жизни человека. Вне зависимости от частных эстетических оценок «Эсфирь» наглядным образом подтверждает искренность державинского утверждения об опере как о роде сочинения, «более других ему свойственном» (VIII, 878).

Предлагаемая публикация текста «оперы» дает возможность читателям и исследователям расширить свои представления о творчестве

²⁰ Державинскую характеристику оперы см. Державин Г. Р. Рассуждение о лирической поэзии // XVIII век. Сб. 15. Л., 1986. С. 254–258.